

Ограничения на применение силы на море в свете охраны окружающей среды

Цзинь Синма и Ши Яньсунь

Цзинь Синма является младшим научным сотрудником Института международного права Китайской академии общественных наук и научным сотрудником докторантуры данного Института.

Ши Яньсунь является старшим научным сотрудником Института международного права Китайской академии общественных наук.

Краткое содержание

Ограничения на применение силы на море предусмотрены в различных отраслях международного права: в морском праве и в природоохранном праве, нормы которых действуют в мирное время, и международном гуманитарном праве (МГП), нормы которого действуют во время вооруженного конфликта. Необходимо сравнить и проанализировать различные нормы этих отраслей права, чтобы выявить общие принципы, ограничивающие применение силы на море в целях охраны окружающей среды. Принимая во внимание особые проблемы охраны морской среды в контексте применения силы, следует соблюдать нормы морского права и международного природоохранного права, чтобы в ходе вооруженного конфликта ограничить средства и методы применения силы на море. Детализированные понятия и подходы, заложенные в морском и природоохранном праве, могут дополнить нормы МГП, и при этом необходимо следовать принципу принятия мер предосторожности международного природоохранного права, чтобы восполнить пробелы в нормах МГП, относящихся к охране морской среды во время вооруженного конфликта.

Ключевые слова: применение силы на море, охрана окружающей среды, ограничения, МГП, Конвенция ООН по морскому праву.

Силу на море всегда широко использовали как в военное, так и в мирное время. Это не только приводило к гибели людей и уничтожению имущества, но и воздействовало на окружающую среду. Применение силы на море включает в себя три компонента: 1) собственно применение силы; 2) морская среда и 3) последствия для окружающей среды. Таким образом, оно регулируется тремя отраслями права: международным гуманитарным правом (МГП), международным морским правом и международным природоохранным правом. Однако в каждом своде права заложены свои особые требования и ограничения, касающиеся экологических последствий применения силы на море; они не всегда согласуются друг с другом, в них имеются отдельные пробелы, которые необходимо восполнить для повышения эффективности природоохранных мер в обстоятельствах применения силы на море.

Эти обстоятельства включают в себя вооруженный конфликт на море и правоприменительные мероприятия на море. Они регулируются разными нормативно-правовыми базами. Данная статья начинается анализом последствий для окружающей среды в результате применения силы на море, далее разъясняются правовые нормы, стандарты, подходы и механизмы, относящиеся к таким последствиям, затем анализируются требования и ограничения различных отраслей международного права. В статье освещены нормативно-правовые базы, регулирующие применение силы на море, и делается вывод об их несовершенстве для надлежащей охраны окружающей среды. Несколько положений МГП, международного природоохранного права и морского права прямо касаются охраны окружающей среды в ходе применения силы на море, но они в некотором смысле несовершенны для охраны собственно морской среды. Более того, отрасли права военного и мирного времени не исключают друг друга, а их пересечение порождает как возможности, так и сложности. Следовательно, необходимо совокупно применять меры предосторожности, предусмотренные всеми отраслями права, но и этого будет недостаточно, поэтому данные нормы необходимо совершенствовать и детализировать.

Имеются три существенных пробела. Во-первых, в нормативно-правовой базе, регулирующей применение силы на море, существует целый ряд расхождений. Норм одного лишь МГП недостаточно для охраны морской среды в ходе применения силы на море, но предметом споров остаются вопросы и о том, стоит ли и в какой мере продолжать применять нормы международного природоохранного права и морского права для ее охраны во время вооруженного конфликта. Во-вторых, некоторые общие принципы МГП, морского права и международного природоохранного права можно использовать при решении задач охраны морской среды в контексте применения силы на море, но их толкование в различных отраслях права может отличаться. В этой связи толкование соответствующих принципов

играет критически важную роль. В-третьих, необходимо все же прояснить вопрос, какие средства и методы применения силы на море следует однозначно запретить или ограничить положениями международного права. В завершающей части данной статьи разъясняется, можно ли в военное время восполнить каждый выявленный пробел нормами Конвенции ООН по морскому праву¹ и нормами по охране морской среды международных природоохранных договоров, и предлагается такое толкование принципа принятия мер предосторожности, заложенного в международном природоохранном праве, которое может ограничить средства и методы применения силы на море.

Применение силы на море: последствия для окружающей среды

Применение силы на море как в военное, так и в мирное время может нанести урон морской среде или иным образом негативно повлиять на нее. Можно по-разному понимать, что собой представляет окружающая среда, и давать ей разные определения. В широком смысле окружающую среду в общем можно назвать «совокупностью всех природных компонентов, составляющих мировую экосистему»². Следовательно, и морской среде присущ комплексный характер. Согласно определению Международного органа по морскому дну, морская среда включает в себя

физические, химические, геологические и биологические компоненты, условия и факторы, которые взаимодействуют и определяют продуктивность, положение, состояние и качество морской экосистемы, воды морей и океанов и воздушное пространство над ними, а также дно морей и океанов и его недра³.

Данное определение свидетельствует о комплексной природе морской среды, это весь объем океанских вод, включая его физические и химические компоненты, минеральные и живые ресурсы, морские экосистемы и экологические комплексы, в том числе разнообразные виды морских организмов. Такое широкое определение отражает растущее понимание международного сообщества, сознающего, что природоохранную деятельность необходимо распространять на различные ситуации, включая и вооруженные конфликты⁴.

1 Конвенция ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г. (вступила в силу 16 ноября 1994 г.).

2 John Alan Cohan, "Modes of Warfare and Evolving Standards of Environmental Protection under the International Law of War", *Florida Journal of International Law*, Vol. 15, No. 4, 2003, p. 485.

3 Правила поиска и разведки полиметаллических конкреций в Районе, ISBA/6/A/18, 13 июля 2000 г. (с поправками от 22 июля 2013 г.), правило 1.3(с).

4 Общепризнанные международные нормы и стандарты нельзя приравнивать к обычному международному праву. Подробнее о том, какие положения о загрязнении морской среды Конвенции ООН по морскому праву отражают нормы обычного международного права, см.: Joseph Ashley Roach, "Today's Customary International Law of the Sea", *Ocean Development & International Law*, Vol. 45, No. 3, 2014, pp. 250–251; Walter G. Sharp, "The Effective Deterrence of Environmental Damage during Armed Conflict: A Case Analysis of the Persian Gulf War", *Military Law Review*, Vol. 137, No. 1, 1992, p. 32.

Однако ущерб морской среде в результате применения силы на море не всегда является сопутствующим, так как морская среда сама может стать мишенью или жертвой применения силы. Во время так называемой «экологической войны»⁵ морская среда может быть изменена, чтобы вызвать экологическую катастрофу, которая станет средством нанесения урона противнику. В ходе правоприменительных мероприятий на море, когда объектом применения силы становится нефтеналивной танкер, транспортное судно со сжиженным газом или грузом химикатов, в случае ненадлежащего применения силы экологические риски могут оказаться не менее пагубными, чем во время вооруженного конфликта на море.

Воздействие на морскую среду в результате применения силы или причиненный ей таким образом урон можно рассматривать с трех точек зрения. Во-первых, применение силы может нанести ущерб как непреходящей, так и практической ценности морской среды⁶. Непреходящая ценность «обычно приписывается “природным” компонентам окружающей среды, а не, скажем, более совершенным водоочистным сооружениям или более красивым фонарным столбам»⁷. Непреходящая ценность окружающей среды признана в таких международных соглашениях, как Конвенция о биологическом разнообразии, в которой утверждается, что договаривающиеся стороны «осознают непреходящую ценность биологического разнообразия»⁸. Само существование морской среды уже представляет собой самостоятельную ценность вне зависимости от той потенциальной ценности, которую она может представлять с точки зрения интересов человечества. Применение силы на море наносит ущерб непреходящей ценности морской среды в основном из-за разрушительных последствий, которые, например, приводят к загрязнению воды, сокращению числа морских обитателей или их уничтожению⁹. Практическую же ценность морская среда представляет только с точки зрения человека, и речь здесь идет о той пользе, которую она приносит человечеству. Если говорить о подобной практической ценности, то морская среда может стать для человечества источником

5 Подробнее о международном праве активной и пассивной экологической войны см.: Eric Talbot Jensen, “The International Law of Environmental Warfare: Active and Passive Damage during Armed Conflict”, *Vanderbilt Journal of Transnational Law*, Vol. 38, No. 1, 2005.

6 Некоторые ученые считают, что если акцент делается лишь на практической или непреходящей ценности, упускаются из виду соображения личного и коллективного благополучия применительно к природе и окружающей среде. Относительные ценности касаются любых взаимоотношений между человеком и природой. См.: Kai M. A. Chan *et al.*, “Why Protect Nature? Rethinking Values and the Environment”, *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, Vol. 113, No. 6, 2016, p. 1462.

7 Wilfred Beckerman and Joanna Pasek, *Justice, Posterity and the Environment*, Oxford University Press, Oxford, 2001, p. 128.

8 Конвенция о биологическом разнообразии от 6 июня 1992 г. (вступила в силу 29 декабря 1993 г.), преамбула.

9 Касаясь оценки биоразнообразия, некоторые ученые считают, что денежная стоимость может послужить полезным связующим звеном между экологическими проблемами и процессом принятия политических решений, однако проблема будущего заключается в поиске точек соприкосновения при сравнении денежной стоимости и непреходящей ценности морской среды. См.: Mirka Laurila-Pant *et al.*, “How to Value Biodiversity in Environmental Management?”, *Ecological Indicators*, Vol. 55, 2015, pp. 6–7.

ресурсов или объектом научных исследований. Применение силы на море причиняет ущерб практической ценности среды двумя способами. Прежде всего, наносится урон живым и минеральным ресурсам, критически важным для выживания человечества, либо снижается их экономическая ценность. Кроме того, можно так загрязнить окружающую среду, что жителям прибрежных районов придется, к примеру, дышать ядовитыми испарениями, подвергаться воздействию радиоактивных веществ или же страдать от воздействия вредных веществ, попавших в их продукты питания по пищевой цепочке.

Во-вторых, применение силы на море оказывает как краткосрочное, так и долгосрочное воздействие на окружающую среду. Ущерб после применения силы на море будет нанесен не только сегодняшнему поколению, но породит неисчислимые проблемы и для поколений будущих. В отличие от ущерба, причиненного окружающей среде применением силы на суше, намного труднее поднять с морского дна предметы вооружения или суда с токсичными или опасными материалами на борту, либо извлечь эти материалы. И в этом отношении продолжают вызывать тревогу последствия двух мировых войн. Например, по разным оценкам, в период с 1939 по 1945 г. было потоплено более 9 тысяч военных, вспомогательных и коммерческих судов, а нанесенный этим ущерб включает разливы нефти, выбросы в морскую среду различных химических веществ, неразорвавшиеся боеприпасы и разрушение коралловых рифов, которое повлияло на места кормежки морских обитателей¹⁰. После окончания Второй мировой войны стали увеличиваться размеры морских судов, расширилась сфера их назначения, в результате выросло количество нефтеналивных танкеров, газовозов, грузовых судов высокой грузоподъемности для перевозки химических материалов. И хотя пока не было зарегистрировано случаев масштабного загрязнения морской среды в результате силовых правоприменительных мероприятий на море, такую возможность нельзя исключать.

В-третьих, последствия для окружающей среды, вызванные применением силы на море, не только сказываются на всем регионе, но и имеют трансграничный характер. И масштабы этих последствий будут увеличиваться по мере развития новых средств и методов военных действий. Физическая природа морской среды и ее экосистем отличается от сухопутных, морская среда текуча, а среды обитания морских и сухопутных организмов весьма различны и по составу, и по разнообразию¹¹. Последствия применения силы на море более разнообразны, чем на суше. С одной стороны, морская среда — комплексная система, а из-за присущей ей текучести ущерб, нанесенный ей в одной акватории, скорее всего, проявится и в других. Совокупное воздействие приливов, океанских течений, ветра, погодных и иных факторов неминуемо расширит географию последствий

10 См.: Umesh Chandra Jha, *Armed Conflict and Environmental Damage*, Vij Books India Pvt Ltd., New Delhi, 2014, pp. 41–42.

11 Richard K. Grosberg, Geerat J. Vermeij and Peter C. Wainwright, “Biodiversity in Water and on Land”, *Current Biology*, Vol. 22, No. 21, 2012, p. R900.

применения силы на море, при этом в большинстве случаев невозможно будет ограничить их распространение и масштаб. С другой стороны, мишенью применения силы на море в основном становятся суда и морские платформы. Когда сила применяется против нефтеналивных танкеров, морских нефтедобывающих платформ или грузовых судов, перевозящих химические материалы, возможные разливы нефти или химикатов могут стать серьезной угрозой для морской среды. Например, во время «танкерной войны», которую развязали в 1980-х гг. воевавшие друг с другом Иран и Ирак, было атаковано как минимум 447 нефтеналивных танкеров, а только в 1984 г. объем утечек нефти в Персидском заливе превысил 2 миллиона тонн¹² — в результате морские экосистемы, коралловые рифы и придонные водоросли оказались загрязнены нефтью, им был нанесен серьезный ущерб¹³. В деле о нефтяных платформах загрязнение морской среды, вызванное действиями США, привело к тому, что Иран потребовал возмещения стоимости операций по ликвидации экологического ущерба¹⁴.

Когда государства применяют силу на море?

Характер применения силы на море, то есть во время вооруженного конфликта или в качестве правоприменительной меры, определяется обстановкой, обоснованием и формами применения силы¹⁵, а не спецификой его инициаторов или их компетенцией в рамках внутригосударственного законодательства. Силу на море применяют государства, организованные вооруженные группировки и частные структуры, в основном частные военные и охранные компании (ЧВОК), а также пираты, контрабандисты и иные преступники. Морские сражения между государствами и организованными вооруженными группировками достаточно редки, например движение «Тигры освобождения Тамил-Илама» было едва ли не единственной негосударственной вооруженной группировкой, которая в ходе негосударственного вооруженного конфликта задействовала свои собственные военно-морские силы¹⁶. ЧВОК в основном применяют силу против пиратов и (или) вооруженных морских разбойников. С точки зрения масштаба применения силы, типа оружия и практических мер безопасности на море

12 См.: Philippe Antoine, “International Humanitarian Law and the Protection of the Environment in Time of Armed Conflict”, *International Review of the Red Cross*, Vol. 32, No. 291, 1992, p. 530; Hassan Partow, “Environmental Impact of Wars and Conflicts”, in Mostafa K. Tolba and Najib W. Saab (eds), *Arab Environment: Future Challenges*, Arab Forum for Environment and Development, Beirut, 2008, p. 164.

13 См.: Nada Al-Duaij, *Environmental Law of Armed Conflict*, Transnational Publishers, New York, 2003, p. 39.

14 См.: International Court of Justice (ICJ), *Oil Platforms Case (Iran v. United States of America)*, Memorial submitted by Iran, *ICJ Reports 1993*, p. 127.

15 См.: Permanent Court of Arbitration (PCA), *Maritime Boundary Delimitation Case (Guyana v. Suriname)*, Award, *PCA Reports 2007*, paras 442–443.

16 См.: Donald A. Donahue et al., “The All Needs Approach to Emergency Response”, *Homeland Security Affairs Journal*, Vol. 8, 2012, p. 2.

применение силы со стороны ЧВОК и преступных банд вряд ли причинит ущерб морской среде. С природоохранной точки зрения наибольший ущерб природе наносит применение силы именно государствами, и поэтому оно заслуживает наибольшего внимания.

Вооруженный конфликт

Вооруженный конфликт на море — лишь одна из ситуаций, когда на море применяется сила. В МГП разграничены международные и немеждународные вооруженные конфликты¹⁷. Хотя в современную эпоху и особенно после Второй мировой войны большинство вооруженных конфликтов на суше носят немеждународный характер, наиболее известные конфликты на море разворачивались между государствами. Например, война 1982 г. за Фолклендские/Мальвинские острова между Великобританией и Аргентиной, военные и полувоенные действия США в Никарагуа, перестрелка в Южно-Китайском море в 1988 г. между китайскими и вьетнамскими кораблями и морские сражения у острова Йонпхэндо между кораблями Северной и Южной Кореи в 1999 и 2002 гг. Иногда вооруженный конфликт на суше может выплеснуться и на море, как это произошло с «танкерной войной» в Персидском заливе. Вооруженные конфликты на море между государством и негосударственными структурами или же между самими негосударственными акторами очень редки, если они вообще случались¹⁸.

Статья 2(4) Устава Организации Объединенных Наций (ООН)¹⁹ запрещает государствам угрожать применением силы или применять силу. Тем не менее сила часто применяется в различных обстоятельствах, в том числе и на море, а в рамках международного права некоторые формы применения силы могут быть признаны законными и даже необходимыми — в зависимости от характера ее применения. В рамках современного международного права государства имеют право применять силу с разрешения Совета Безопасности ООН или в качестве самообороны, как указано в статье 51 Устава ООН, и даже, по некоторым утверждениям, в рамках выполнения резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Единство в пользу мира»²⁰. Однако в рамках деятельности ООН сила на море применялась очень редко²¹. В качестве средства самообороны государства,

17 См.: International Committee of the Red Cross (ICRC), "How Is the Term 'Armed Conflict' Defined in International Humanitarian Law?", March 2008, доступно по адресу: <http://www.icrc.org/eng/assets/files/other/opinion-paper-armed-conflict.pdf> (все интернет-ресурсы проверены в августе 2017 г.).

18 См.: Доклад Специального докладчика по вопросу об охране окружающей среды в связи с вооруженным конфликтом, документ ООН A/CN.4/70, 3 июня 2016 г., п. 15.

19 Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. (вступил в силу 24 октября 1945 г.), ст. 2(4).

20 См.: Anthony Clark Arend and Robert J. Beck, *International Law and the Use of Force: Beyond the U.N. Charter Paradigm*, Routledge, London and New York, 2013, pp. 59–60, 72–78.

21 Очень редким исключением в этом отношении стала блокада Великобританией мозамбикского порта Бейра во исполнение резолюции Совета Безопасности ООН № 221, так как этот порт был перевалочным пунктом нефти, предназначенной режиму Яна Смита в Родезии

напротив, достаточно часто применяли силу на море против вооруженных нападений на свою территорию, на суда и самолеты, по крайней мере они так утверждали. Например, Великобритания воспользовалась своим правом на самооборону в оправдание военных действий во время вооруженного конфликта за Фолклендские/Мальвинские острова²².

Правоприменительные мероприятия

Правоприменительные мероприятия на море — еще один важный аспект, который надо затронуть, обсуждая применение силы на море. Этим мероприятиям можно дать следующее определение: действия уполномоченных внутригосударственных правоприменительных органов в соответствии с актуальными нормами внутригосударственного законодательства в целях поддержания или восстановления общественной безопасности и порядка на море²³. Сила использовалась часто во время таких мероприятий, которые стали основным обстоятельством ее применения на море. Однако недопустимо применять нормы внутригосударственного законодательства ко всем морским акваториям, и ими нельзя обосновать законность всех действий на море. Согласно Конвенции ООН по морскому праву суверенитет прибрежных государств распространяется только на их территориальные воды²⁴, при этом в прилегающей зоне, эксклюзивной экономической зоне и в открытом море они могут осуществлять контроль только в той мере, которая необходима для решения конкретных задач²⁵. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, с поправками, внесенными согласно Протоколу к ней от 2005 г., однозначно признает право сотрудников государственных правоохранительных органов применять силу на море в определенных обстоятельствах²⁶ при условии, что она применяется против тех, кто незаконно и умышленно нарушил положения указанной конвенции²⁷. Более того, Конвенция ООН по морскому праву в статье 301, касающейся

(ныне Мозамбик). Служащие ВМС Великобритании поднялись на борт двух греческих судов «Joanna V» и «Manuela» и досмотрели их, когда те попытались прорвать блокаду, а носовая часть французского танкера «Artois» была обстреляна за нарушение запрета на импорт нефти. См.: резолюция СБ ООН № 221 от 9 апреля 1966 г. Также см.: Adam Roberts and Dominik Zaum, “UN Security Council-Authorized Military Operations, 1950–2007”, *The Adelphi Papers*, Vol. 47, No. 395, 2007, p. 81.

22 См.: John Sankey, “Decolonization: Cooperation and Confrontation at the United Nations”, in Erik Jensen and Thomas Fisher (eds), *The United Kingdom — The United Nations*, Macmillan, London, 1990, p. 114; A. Roberts and D. Zaum (примечание 21 выше), pp. 79–84.

23 См.: Patricia Jimenez Kwast, “Maritime Law Enforcement and the Use of Force: Reflections on the Categorization of Forcible Action at Sea in the Light of the Guyana/Suriname Award”, *Journal of Conflict Security Law*, Vol. 13, No. 1, 2008, p. 54.

24 Конвенция ООН по морскому праву, ст. 2.

25 Конвенция ООН по морскому праву, ст. 33, 56, 94, 99, 105 ff.

26 Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства от 10 марта 1988 г. (вступила в силу 1 марта 1992 г.); Протокол 2005 г. к Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, док. ИМО LEG/CONF.15/21, 14 октября 2005 г. (вступил в силу 28 июля 2010 г.), ст. 8bis, п. 9.

27 Там же, ст. 3bis.

использования морей в мирных целях, предусматривает при этом выполнение только одного требования:

«При осуществлении своих прав и выполнении своих обязанностей согласно настоящей Конвенции государства-участники воздерживаются от угрозы силой или ее применения против территориальной целостности или политической независимости любого государства или каким-либо иным образом, не совместимым с принципами международного права, воплощенными в Уставе Организации Объединенных Наций»²⁸.

Другими словами, в соответствии с принципами международного права, заложенными в Уставе ООН, Конвенция ООН по морскому праву также не запрещает угрозу применить силу или ее применение. Согласно постановлению Постоянной палаты третейского суда по делу о демаркации морских границ международное право также допускает применение силы в рамках правоприменительной деятельности — при условии, что оно неизбежно, целесообразно и необходимо²⁹. Однако, учитывая, что применение силы допустимо только в указанных условиях, такие случаи относятся к исключительно правоприменительным мерам, а не к обычному средству общей практики.

Актуальные нормативно-правовые базы

Государства обязаны охранять и беречь морскую среду, эти обязательства заложены как в договорном праве³⁰, так и в обычном международном праве³¹. После того как Конференция Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды приняла в 1972 г. Декларацию (Стокгольмскую декларацию)³², повысилась взаимосвязь между применением силы и охраной окружающей среды. Нормы МГП, международного природоохранного права и морского права стали совместно служить делу совершенствования нормативно-правовой базы применения силы на море в свете охраны окружающей среды. Однако, учитывая, что состояние договорного права в этом отношении далеко от удовлетворительного, необходимо принимать во внимание и такие не имеющие обязательной силы документы «мягкого права», как Руководство Сан-Ремо по международному

28 Конвенция ООН по морскому праву, ст. 301.

29 PCA, *Maritime Boundary Delimitation* (примечание 15 выше), para. 446.

30 См., например: Конвенция ООН по морскому праву, ст. 192.

31 См.: David Freestone, "The Conservation of Marine Ecosystems Under International Law", in Michael Bowman and Catherine Redgwell (eds), *International Law and the Conservation of Biological Diversity*, Kluwer Law International, London, 1996, pp. 91–92; Alan Boyle, "Further Development of the 1982 Law of the Sea Convention: Mechanisms for Change", *International and Comparative Law Quarterly*, Vol. 54, No. 4, 2005; Nilufer Oral, *Regional Co-operation and Protection of the Marine Environment Under International Law: The Black Sea*, Martinus Nijhoff, Leiden and Boston, MA, 2013, pp. 136–137.

32 Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды, док. ООН A/CONF.48/14/Rev1, 16 июня 1972 г.

праву, применимому к вооруженным конфликтам на море (Руководство Сан-Ремо)³³, Руководящие принципы для военных уставов и инструкций по охране окружающей среды в периоды вооруженных конфликтов (Руководящие принципы для военных уставов)³⁴ и постановления международных судебных и арбитражных инстанций, касающиеся природоохранных ограничений на применение силы. В этих документах провозглашаются и разъясняются границы допустимого применения силы на море, отраженные в действующих и формирующихся принципах и нормах, приводятся важные юридические соображения, в рамках которых следует оценивать соответствие случаев подобного применения силы актуальным требованиям, предлагаются примеры уже действующих или формирующихся норм обычного права.

Международное гуманитарное право (*jus in bello*)

В МГП, возникшем в середине XIX века, почти сразу же появились нормы, применимые к военным действиям на море. С момента подписания в 1856 г. Парижской декларации об уважении морского права³⁵ международное сообщество уже приняло целый ряд конвенций касательно военных действий на море. Однако в этих конвенциях нельзя найти практически никаких упоминаний об ограничениях природоохранного характера на применение силы на море. Впоследствии некоторые международные конвенции и нормативные акты гуманитарной направленности запретили применять во время вооруженного конфликта яды или виды оружия отравляющего действия³⁶, наносящие урон окружающей среде, однако эти документы не были нацелены на ее охрану. Лишь в 1970-х гг. и в договорах, и в нормах обычного международного права стала просматриваться связь между применением силы и охраной окружающей среды. В договорном праве эта связь сначала проявилась в Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду³⁷, принятой в 1976 г., и в Дополнительном протоколе I к Женевским

33 См.: Руководство Сан-Ремо по международному праву, применимому к вооруженным конфликтам на море // Международный журнал Красного Креста. № 7, ноябрь–декабрь 1995. С. 729–777.

34 Руководящие принципы для военных уставов и инструкций по охране окружающей среды в периоды вооруженных конфликтов, док. ООН A/49/323 и резолюция ГА ООН 49/50, 9 декабря 1994 г. (Руководящие принципы для военных уставов).

35 Paris Declaration Respecting Maritime Law, British State Papers 1856, Vol. 61 (entered into force 16 April 1856), pp. 155–158.

36 Например, Гагская конвенция II о законах и обычаях сухопутной войны (Гагская конвенция II), и приложение к ней — Положение о законах и обычаях сухопутной войны, от 29 июля 1899 г., ст. 23(1), доступно по адресу: <https://ihl-databases.icrc.org/ihl/INTRO/195?OpenDocument>; Гагская конвенция IV о законах и обычаях сухопутной войны и приложение к ней — Положение о законах и обычаях сухопутной войны, от 18 октября 1907 г., ст. 23(a); Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств от 17 июня 1925 г.

37 Конвенция о запрещении использования средств воздействия на природную среду от 10 декабря 1976 г. (вступила в силу 5 октября 1978 г.).

конвенциям (ДП I), принятом в 1977 г.³⁸ За ними последовали и другие конвенции, также ограничившие средства и методы войны в природоохранных целях³⁹. Стоит отметить, что по крайней мере с 1970-х гг. обычное международное право стало косвенно защищать некоторые составляющие окружающей среды от применения средств и методов ведения войны⁴⁰. Можно утверждать, что и такие документы «мягкого права», как Руководство Сан-Ремо и Руководящие принципы для военных уставов⁴¹, также отразили и обобщили эти изменения.

Основываясь на сегодняшних нормах МПП, можно разделить на следующие категории различные природоохранные ограничения на применение силы на море в ходе вооруженного конфликта. Во-первых, морская среда по своей природе — гражданский объект, она не может быть объектом нападения⁴². МПП проводит различие между военными и гражданскими объектами. Участники вооруженных конфликтов могут подвергаться нападению лишь комбатантов и военные объекты, а мирные жители и гражданские объекты не должны становиться объектом нападения. В статье 52 (1) ДП I сказано, что «гражданские объекты не должны являться объектом нападения или репрессалий». В статье 52(2) не дается определение понятия «гражданский объект» как такового, однако в ней четко определяются военные объекты. К ним относятся объекты, которые в силу своего характера, расположения, назначения или использования вносят эффективный вклад в военные действия, и полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация которых при существующих в данный момент обстоятельствах дает определенное военное преимущество. Методом исключения можно считать гражданскими объектами все невоенные объекты. Компоненты морской среды по большей части относятся к гражданским объектам⁴³, поэтому они не должны подвергаться нападению. На них должны распространяться ограничения статей 35(3) и 55(1) ДП I, в которых содержатся общие положения о порядке ведения военных действий, отно-

38 Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. (вступил в силу 7 декабря 1978 г.), ст. 35(3).

39 Например, Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении от 13 января 1993 г. (вступила в силу 29 апреля 1997 г.) (далее — Конвенция о запрещении химического оружия), ст. 4(10), 5(11).

40 См.: Alan Vaughn Lowe, “Commentary on the 1972 Bacteriological Convention”, in Natalino Ronzitti (ed.), *The Law of Naval Warfare: A Collection of Agreements and Documents with Commentaries*, Martinus Nijhoff, Dordrecht, Boston, MA, and London, 1999, p. 647; Karen Hulme, *War Torn Environment: Interpreting the Legal Threshold*, Martinus Nijhoff, Leiden and Boston, MA, 2004, p. 10.

41 Руководящие принципы для военных уставов (примечание 34 выше).

42 См.: Римский статут Международного уголовного суда, док. ООН A/CONF.183/9, 17 июля 1998 г. (вступил в силу 1 июля 2002 г.), ст. 8(2)(b)(iv); K. Hulme (примечание 40 выше), p. 300; Mara Tignino, “Water, International Peace, and Security”, *International Review of the Red Cross*, Vol. 92, No. 879, 2010, p. 661.

43 См.: Michael Bothe, Carl Bruch, Jordan Diamond and David Jensen, “International Law Protecting the Environment during Armed Conflict: Gaps and Opportunities”, *International Review of the Red Cross*, Vol. 92, No. 879, 2010, p. 576.

сящиеся к охране морской среды⁴⁴, если только эти компоненты тем или иным образом не стали законными военными объектами⁴⁵. К типичным военным объектам на море относятся комбатанты противника, объекты военной инфраструктуры, военные сооружения и боевые позиции, а также находящиеся там материалы и вооружение, военные транспортные средства и средства связи. Любой гражданский объект, используемый в военных целях, например при размещении на морской платформе установки ПВО, может считаться военным объектом и подвергнуться вооруженному нападению. Более того, если в морской акватории обнаружены военные объекты или же они следуют через нее, сама акватория будет эффективно способствовать военным действиям, а ее нейтрализация предоставляет определенное военное преимущество. Таким образом, и морская акватория становится военным объектом⁴⁶.

Во-вторых, существуют общие ограничения на допустимые средства и методы ведения военных действий на море. В ходе как международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов любое применение силы на море неизбежно так или иначе скажется на морской среде. Следует отметить, что Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду и ДП I запрещают причинять ущерб окружающей среде только в ходе международных вооруженных конфликтов, а в Дополнительном протоколе II к Женевским конвенциям⁴⁷, который регулирует немеждународные вооруженные конфликты, нет положений, касающихся причинения ущерба окружающей среде⁴⁸.

Статья I Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду запрещает

44 Запреты ст. 35(3) и 55(1) ДП I распространяются не на все методы или средства ведения военных действий, а только на те, которые связаны с причинением окружающей среде «обширного, долговременного и серьезного ущерба» (ДП I, ст. 35(3), 55(1)).

45 На взгляд комитета, созданного для изучения военных операций Организации Североатлантического договора (НАТО) в Федеративной Республике Югославия в 1999 г., помимо условия наличия военных объектов, ст. 35(3) и 55 ДП I распространяются только на случаи нанесения существенного урона. Прилагательные «обширный, долговременный и серьезный» в тексте ДП I связаны союзом «и», что подразумевает тройной совокупный эффект. См.: *Final Report to the Prosecutor by the Committee Established to Review the NATO Bombing Campaign against the Federal Republic of Yugoslavia*, June 2000, para. 15, доступно по адресу: www.icty.org/x/file/About/OTP/otp_report_nato_bombing_en.pdf. Тем не менее существует и критическая оценка вышеупомянутого доклада, авторов которого упрекали в слабом понимании правовых понятий и который расходуется с общепризнанной судебной практикой Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии. См.: Paolo Benvenuti, "The ICTY Prosecutor and the Review of the NATO Bombing Campaign against the Federal Republic of Yugoslavia", *European Journal of International Law*, Vol. 12, No. 3, 2001, pp. 509–511.

46 M. Bothe *et al.* (примечание 43 выше), p. 576.

47 Дополнительный протокол II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера от 8 июня 1977 г. (вступил в силу 7 декабря 1978 г.).

48 Julian Wyatt, "Law-Making at the Intersection of International Environmental, Humanitarian and Criminal Law: The Issue of Damage to the Environment in International Armed Conflict", *International Review of the Red Cross*, Vol. 92, No. 879, 2010, p. 612.

«военное или любое иное враждебное использование средств воздействия на природную среду, которые имеют широкие, долгосрочные или серьезные последствия, в качестве способов разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда любому другому государству-участнику». Из этого текста следует, что запрещено лишь умышленное применение технологий изменения окружающей среды в качестве средств или методов ведения военных действий в целях разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда. В отличие от данной Конвенции принятый вскоре ДП I запретил не только средства и методы ведения военных действий, которые имеют своей целью причинить обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде, но и те, которые «как можно ожидать»⁴⁹ могут причинить подобный ущерб⁵⁰. Таким образом, по сравнению с данной Конвенцией ДП I существенно расширил запреты в двух направлениях. Во-первых, он запретил применять *любые* средства и методы ведения военных действий, которые могут нанести урон окружающей среде, а не только технологии изменения окружающей среды⁵¹. Во-вторых, даже в отсутствии намерений нанести урон окружающей среде он запрещает средства и методы ведения военных действий, которые «ожидается» могут привести к таким последствиям⁵². Второй запрет отражает принцип принятия мер предосторожности при нападении⁵³, на который ссылается МККК в докладе об охране окружающей среды во время вооруженного конфликта, представленном в 1993 г. Генеральной Ассамблее ООН. В нем говорится:

«Этот принцип пока еще находится в стадии формирования, при этом, однако, он уже повсеместно признается как принцип международного права. Цель принципа [принятия мер] предосторожности состоит в том, чтобы предусмотреть и предотвратить ущерб окружающей среде и обеспечить, чтобы в тех случаях, когда возникает угроза нанесения серьезного и необратимого ущерба, отсутствие полной уверенности с науч-

49 ДП I, ст. 35(3) и 55(1).

50 Один из подходов к толкованию обязанности «проявлять заботу», изложенной в ст. 55(1) ДП I, таков: главная ценность этих положений заключается не в запрете средств и методов ведения войны, которые наносят обширный, долговременный и серьезный ущерб, как это изложено в ст. 35(3), а в обязанности государства ограждать окружающую среду от подобного ущерба. См.: Karen Hulme, “Taking Care to Protect the Environment against Damage: A Meaningless Obligation?”, *International Review of the Red Cross*, Vol. 92, No. 879, 2010, pp. 675–676.

51 МККК, «Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду», 27 октября 2004 г., доступно по адресу: <https://www.icrc.org/ru/document/konvenciya-o-zapreshchenii-voennogo-ili-lyubogo-inogo-vrazhdebnogo-ispolzovaniya-sredstv>; см. также: Reference Materials to Accompany IUCN Statement on Armed Conflict and the Environment, UN Doc. A/CONF.151/26, Vol. 1, 12 August 1992.

52 См.: ДП I, ст. 55(1).

53 «В отношении нападений принимаются следующие меры предосторожности: те, кто планирует нападение или принимает решение о его осуществлении... принимают все практически возможные меры предосторожности при выборе средств и методов нападения, с тем чтобы избежать случайных потерь жизни среди гражданского населения, ранения гражданских лиц и случайного ущерба гражданским объектам и, во всяком случае, свести их к минимуму» (ДП I, ст. 57(2)(a)(ii)).

ной точки зрения не использовалось бы как повод отложить принятие любых мер, которые могли бы предотвратить такого рода ущерб»⁵⁴.

Ни одно из государств до сих пор не возразило против подобного утверждения⁵⁵. МГП разрешает репрессивные меры, хотя и существенно ограничивает их, но разрушение окружающей природной среды в качестве карательной меры запрещено статьей 55(2) ДП I. Требование воздерживаться от использования таких средств, которые имеют «широкие, долгосрочные или серьезные последствия»⁵⁶ для природной среды, в определенной мере отражает принцип соразмерности, так как ущерб подобного характера не может быть признан соразмерным результатом применения какого-либо метода или средств ведения военных действий. В соответствии со статьей 8(2)(b)(iv) Римского статута Международного уголовного суда⁵⁷ умышленное нападение, когда известно, что такое нападение явится причиной случайной гибели или увечья гражданских лиц, или ущерба гражданским объектам, или широкие, долгосрочные или серьезные последствия для окружающей природной среды, что окажется явно несоизмеримым с конкретным и непосредственным ожидаемым общим военным превосходством, будет считаться военным преступлением⁵⁸.

В-третьих, на виды оружия, которые допустимо применять на море, наложены ограничения. Нормами МГП уже давно запрещено применять виды оружия, наносящие чрезмерные повреждения или имеющие неизбирательное действие, этот запрет установлен еще в 1899 г. в статье 23(д) Гаагской конвенции II о законах и обычаях сухопутной войны (Гаагская конвенция II)⁵⁹, которая запрещает любые виды оружия, снарядов или веществ, способные причинить «излишние страдания». Однако долгое время этот запрет в основном относился к видам оружия, которые подобным образом воздействуют на организм человека. Одно упоминание об охране окружающей среды содержится в Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие⁶⁰, принятой в 1980 г., а ее преамбула включает текст статьи 35(3) ДП I. На море во время войны применяется большинство тех же видов ору-

54 *Protection of the Environment in Time of Armed Conflict*, report submitted by the ICRC to the 48th Session of the UN General Assembly, 1993, доступно по адресу: www.icrc.org/eng/resources/documents/report/5deesv.htm.

55 *Хенкертс, Жан-Мари и Досвальд-Бек, Луиза*. Обычное международное гуманитарное право. Том I: Нормы. МККК, 2006. Норма 44, с. 193.

56 См. ст. 1(1) Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду, она запрещает только такие средства воздействия на окружающую среду, которые имеют «широкие, долгосрочные или серьезные последствия».

57 Римский статут МУС, ст. 8(2)(b)(iv).

58 Там же.

59 См.: Гаагская конвенция II, ст. 23(д).

60 Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие и Протоколы к ней (с поправками от 21 декабря 2001 г.) от 10 октября 1980 г. (вступила в силу 2 декабря 1983 г.).

зия, что и на суше. Упомянутые положения можно рассматривать лишь как общие ограничения, применимые к войне на море. Ни один из протоколов к данной Конвенции не содержит явных ограничений видов оружия по природоохранным соображениям, тем более в контексте войны на море. Однако можно утверждать, что в связи с включением текста статьи 35(3) ДП I в ее преамбулу положения Конвенции распространяются на случаи нанесения ущерба окружающей среде в результате применения оружия, запрещенного протоколами Конвенции, если предполагается, что ущерб и его последствия будут чрезмерно разрушительными или окажут неизбежное воздействие на организм человека. Похожий подход можно применить к биологическому и химическому оружию, разработка, производство, накопление (и применение в случае химического оружия) которого были поставлены вне закона Конвенцией о запрещении биологического оружия 1972 г.⁶¹ и Конвенцией о запрещении химического оружия 1993 г. соответственно⁶².

В-четвертых, существует необходимость в охране морской среды нейтральных государств. В МГП нет никаких конкретных договоров или положений об охране морской среды государств, не участвующих в военных действиях (нейтральных государств). Однако статья 1 Конвенции о правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны 1907 г. требует от воюющих сторон уважать суверенные права нейтральных держав. Она подразумевает, что воюющие стороны должны соблюдать права нейтральных стран и в отношении морской среды⁶³. Традиционное право нейтралитета во многом потеряло свое былое значение в силу запрета современного международного права прибегать к военным средствам. Однако связанный с ним принцип, похоже, уже стал обычной нормой международного права, что нашло отражение в постановлении Международного суда ООН по делу об инциденте в проливе Корфу, в котором он сослался на «обязанность каждого государства не позволять умышленно использовать свою территорию в ущерб интересам других государств»⁶⁴. Как уже говорилось, морской среде как комплексной системе присуща текучесть. Таким образом, даже если военные действия ведутся в акватории под юрисдикцией воюющих сторон или же в открытом море, ущерб окружающей среде может распространиться на акваторию под юрисдикцией третьего государства. И в этом случае воюющие стороны могут понести ответственность за причинение ущерба окружающей среде третьего государства.

61 Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении от 10 апреля 1972 г. (вступила в силу 26 марта 1975 г.), ст. 1(1) и (2).

62 Конвенция о запрещении химического оружия, ст. 1, 9(3).

63 XIII Гагская конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны от 18 октября 1907 г. (вступила в силу 26 января 1910 г.).

64 ICJ, *Corfu Channel Case (United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland v. Albania)*, Judgment (Merit), ICJ Reports 1949, p. 22.

Морское право

Конвенция ООН по морскому праву является самым обстоятельным договором, регулирующим правовые вопросы на море. Касательно применения силы на море и ее последствий для окружающей среды статьи 19(2)(а), 39(1)(b) и 301 Конвенции оговаривают, что государства-участники должны воздерживаться от применения силы или угрозы применить силу, направленных против территориальной целостности или политической независимости любого государства либо противоречащих в каком-либо отношении целям Устава ООН. Однако статья 111 Конвенции косвенно разрешает применять силу на море в ходе преследования по горячим следам (особый тип правоприменительных мероприятий), но ничего не упоминает о его последствиях для окружающей среды. Тем не менее задача охранять и беречь морскую среду стала одной из центральных в данной Конвенции⁶⁵, об этом говорит тот факт, что целый раздел Конвенции, а именно часть XII, посвящен «защите и сохранению морской среды». Часть XII Конвенции не содержит таких фраз, как «применение силы или угроза применить силу» или «правоприменительная деятельность», однако, учитывая, что все государства-участники взяли на себя общее обязательство защищать и сохранять морскую среду согласно статье 192 Конвенции, очевидно, что они должны соблюдать все актуальные требования части XII при применении силы на море, будь то в ходе военных действий или же в ходе правоприменительной деятельности. В этом отношении особую важность приобретают несколько положений Конвенции.

Во-первых, согласно международному праву, у всех стран есть негативное обязательство — не загрязнять окружающую среду, но в области охраны морской среды государства — участники Конвенции имеют и позитивные обязательства. Согласно статье 192 все государства-участники связаны общим обязательством защищать и сохранять морскую среду. Глаголы «защищать» и «сохранять» ясно указывают на то, что государства-участники должны принимать меры, благоприятные для целей охраны морской среды и ограждения ее от любых возможных действий, загрязняющих ее⁶⁶. Данное общее позитивное обязательство подкрепляется требованиями статьи 194(1), согласно которой государства-участники «индивидуально или, в зависимости от обстоятельств, совместно принимают все совместимые с настоящей Конвенцией меры, которые необходимы для предотвращения, сокращения и сохранения под контролем загрязнения морской среды из любого источника». Данные позитивные обязательства вкупе с положе-

65 Veronica Frank, *The European Community and Marine Environmental Protection in the International Law of the Sea: Implementing Global Obligations at the Regional Level*, Martinus Nijhoff, Leiden and Boston, MA, 2007, p. 12.

66 См.: Jon M. Van Dyke and Sherry P. Broder, “International Agreements and Customary International Principles Providing Guidance for National and Regional Ocean Policies”, in Biliana Cicin-Sain, David L. Vander Zwaag and Miriam C. Balgos (eds), *Routledge Handbook of National and Regional Ocean Policies*, Routledge, London and New York, 2015, p. 49.

нием статьи 194(3), где сказано, что «меры, принимаемые в соответствии с настоящей Частью, относятся ко *всем источникам загрязнения морской среды*» (*курсив наш*), означают, что в случае применения государством силы на море, что также может стать источником загрязнения, на него возлагаются четкие обязательства принять все необходимые меры до, во время и после применения силы, чтобы предотвратить, сократить и взять под контроль любое загрязнение морской среды, которое может произойти вследствие такого применения силы.

Во-вторых, хотя вышеупомянутые положения накладывают на государства обязательства, связанные с охраной морской среды в общем смысле этого слова, но статья 194(2) конкретно требует, чтобы государства не причиняли ущерба морской среде других государств. В этих целях государства должны добиваться, чтобы деятельность под их юрисдикцией или контролем осуществлялась не причиняя ущерба другим государствам и их морской среде путем загрязнения, и чтобы загрязнение, являющееся результатом инцидентов или деятельности под их юрисдикцией или контролем, не распространялось за пределы района, где они осуществляют суверенные права. Более того, когда государство осуществляет свое право на преследование по горячим следам согласно статье 111, такое преследование может продолжаться и в пределах исключительной экономической зоны или прилегающей зоны другого государства, а это значит, что государство, осуществляющее свое право на преследование по горячим следам, имеет право применять силу и в этих акваториях. С учетом ограничений, сформулированных в статье 194(2), государство, осуществляющее преследование по горячим следам, обязано добиваться, чтобы возможное применение силы с его стороны не наносило ущерба окружающей среде прибрежного государства — вне зависимости от своего права осуществлять преследование по горячим следам в акваториях, находящихся под юрисдикцией данного государства.

В-третьих, необходимо избегать неоправданных рисков в ходе применения силы на море. Статья 225 Конвенции ООН по морскому праву накладывает особые обязательства на государства, а именно устанавливает, что при осуществлении ими своего права на осуществление правоприменительных мероприятий против иностранных судов они не должны «подвергать морскую среду чрезмерному риску». Это требование может породить два важных последствия в отношении применения силы на море. С одной стороны, государствам не запрещается подвергать обоснованному риску морскую среду, применяя силу против иностранных судов во время правоохранительных мероприятий. В этом проявляется определенная степень терпимости в отношении экологических последствий применения силы в ходе правоохранительных мероприятий. Эти последствия необходимо оценивать с учетом соотношения между тем, в какой степени необходимо применить силу, и итоговым ущербом. С другой стороны, данное требование имеет особое значение и для охраны окружающей среды открытого моря. В открытом море государства могут применять силу против иностранных судов, и при этом принцип не наносить ущерба чужой окру-

жающей среде не распространяется на охрану морской среды открытого моря и международные зоны морского дна, где не действует юрисдикция ни одного из государств. В этом отношении статья 225 может оградить морскую среду открытого моря от неоправданных рисков, сопряженных с применением силы на море.

Конвенция ООН по морскому праву не содержит норм, прямо регулирующих военные действия на море, и никак не связывает эти действия с вопросами охраны окружающей среды, которые нашли свое отражение только в статьях 88 и 236 Конвенции. Статья 88 регулирует условия использования открытого моря для мирных целей, не приводя при этом исчерпывающего определения «мирных целей», а статья 236 устанавливает, что военные корабли, военно-вспомогательные суда, другие суда или летательные аппараты, принадлежащие государству или эксплуатируемые им и используемые в данное время только для правительственной некоммерческой службы, пользуются суверенным иммунитетом и, таким образом, находятся в ином положении, чем коммерческие суда⁶⁷. Предполагается, что положения об охране окружающей среды могут не действовать во время вооруженного конфликта. В самом деле, из статьи 301 следует, что военные действия не запрещены, если они соответствуют принципам международного права, воплощенным в Уставе ООН, и особенно в статьях 2(4) и 51⁶⁸. Статья 236 выводит из-под действия Конвенции военные корабли, однако преамбула подразумевает, что это исключение относится только к мирному времени и может оказаться не в состоянии полностью приостановить действие Конвенции во время вооруженного конфликта. Уже звучало мнение, что в вооруженных столкновениях могут участвовать суда, не попадающие под это исключение, а источником загрязнений может быть не судно, а например, нефтедобывающая платформа или же расположенное на берегу предприятие⁶⁹.

Международное природоохранное право

Международное природоохранное право — достаточно новая отрасль международного права; общепризнано, что современное природоохранное право «зародилось» на Стокгольмской конференции ООН 1972 г. по проблемам окружающей человека среды⁷⁰. Подобный статус объясняет, почему

67 См.: Конвенция ООН по морскому праву, ст. 236.

68 Исследование в области гонки военно-морских вооружений. Доклад Генерального секретаря, док. ООН A/40/535, 17 сентября 1985 г., п. 188, с. 65.

69 См.: United Nations Environment Programme (UNEP), *Protecting the Environment during Armed Conflict: An Inventory and Analysis of International Law*, UNEP and Earthprint, Nairobi, 2009, p. 36; Michael N. Schmitt, "Green War: An Assessment of the Environmental Law of International Armed Conflict", *Yale Journal of International Law*, Vol. 22, No. 1, 1997, p. 48.

70 Jutta Brunnée, "The Stockholm Declaration and the Structure and Processes of International Environmental Law", in Aldo E. Chircop, Ted L. McDorman and Susan J. Rolston (eds), *The Future of Ocean Regime Building: Essays in Tribute to Douglas M. Johnston*, Kluwer Law International, London, 2008, p. 41; Philippe Sands, Jacqueline Peel and Ruth MacKenzie, *Principles of International Environmental Law*, Cambridge University Press, Cambridge, 2012, p. 888.

эта новая отрасль права состоит в основном из различных деклараций и договоров. По разным оценкам, на сегодняшний день в мире заключено несколько сотен или даже тысяч природоохранных договоров⁷¹. Из-за такого огромного количества невозможно проанализировать их индивидуально. Необходимо учитывать, что большинство природоохранных договоров содержат в основном набор принципов, норм, целей и механизмов координации, а в некоторых из них имеются положения, схожие со статьей 236 Конвенции ООН по морскому праву, предусматривающие иммунитет в отношении охраны и сохранения морской среды для кораблей и летательных аппаратов, принадлежащих государству или действующих от его имени⁷². Нужно также учитывать, что эти договоры не распространяются непосредственно на военные действия на море. Именно поэтому в целях ограничения применения силы на море и восполнения тех пробелов в нормах международного права в сфере охраны морской среды, которые пока остаются в договорах или нормах обычного права, можно применять только те несколько основополагающих принципов международного природоохранного права, которые уже получили широкое признание и одобрение в практической деятельности государств⁷³.

Первый из подобных основополагающих принципов — принцип принятия мер предосторожности, схожий с принципом принятия мер предосторожности при нападении МГП, о котором уже шла речь выше. Принцип принятия мер предосторожности международного природоохранного права был впервые упомянут на региональном уровне обсуждения вопросов охраны морской среды на Первой министерской конференции по охране Северного моря 1984 г.⁷⁴ Вскоре он нашел свое отражение и на международном уровне в виде принципа 15 Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейрская декларация) 1992 г.⁷⁵ С тех пор этот принцип получил широкую поддержку междуна-

71 См.: Philippe Roch and Franz Xaver Perrez, “International Environmental Governance: The Strive Towards a Comprehensive, Coherent, Effective and Efficient International Environmental Regime”, *Colorado Journal of International Environmental Law and Policy*, Vol. 16, No. 1, 2005, pp. 5–6, где утверждается, что «количество природоохранных договоров по всему миру превысило 500»; Ronald B. Mitchell, “International Environmental Agreements: A Survey of Their Features, Formation, and Effects”, *Annual Review of Environment and Resources*, Vol. 28, 2003, pp. 429–430, где рассмотрено более 700 многосторонних договоров и более 1000 двусторонних договоров, конвенций, протоколов и поправок, относящихся к охране окружающей среды.

72 См., например: Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов с поправками, внесенными согласно Протоколу от 1978 г., от 2 ноября 1973 г. (вступила в силу 12 октября 1983 г.), ст. 3(3).

73 Svitlana Kravchenko, Tareq M. R. Chowdhury and Jahid Hossain Bhuiyan, “Principles of International Environmental Law”, in Shawkat Alam *et al.* (eds), *Routledge Handbook of International Environmental Law*, Routledge, London and New York, 2012, p. 43.

74 См.: Patricia W. Birnie and Alan E. Boyle, *International Law and the Environment*, Oxford University Press, Oxford, 2002, p. 116; Simon Marr, *The Precautionary Principle in the Law of the Sea: Modern Decision Making in International Law*, Martinus Nijhoff, The Hague, London and New York, 2003, pp. 89–93.

75 Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию, A/CONF. 151/26, 14 июня 1992 г. (Рио-де-Жанейрская декларация).

родного сообщества⁷⁶, он появился во многих природоохранных договорах, где он либо излагается в преамбулах⁷⁷, перечисляется в числе руководящих принципов⁷⁸, либо содержится в их постановляющих частях в качестве основы внутригосударственного нормотворчества и законодательства⁷⁹. В международном природоохранном праве пока отсутствует устоявшееся определение принципа принятия мер предосторожности, но определение принципа 15 Рио-де-Жанейрской декларации можно считать наиболее известным⁸⁰. Вот его текст:

«В целях защиты окружающей среды государства в соответствии со своими возможностями широко применяют принцип принятия мер предосторожности. В тех случаях, когда существует угроза серьезного или необратимого ущерба, отсутствие полной научной уверенности не используется в качестве причины для отсрочки принятия экономически эффективных мер по предупреждению ухудшения состояния окружающей среды»⁸¹.

По-видимому, принцип принятия мер предосторожности может представлять собой совокупность тех необходимых компонентов, которые могут превратить его в норму обычного международного права⁸²; он требует, чтобы руководители по крайней мере осознавали потенциальные последствия принимаемых ими решений — тогда появится возможность определить, как для их осуществления «необходимо» изменить окружающую среду, или каковы риски, порожденные этими изменениями⁸³.

Второй принцип — не наносить ущерба чужой окружающей среде — о нем уже шла речь выше в контексте морского права. В 1941 г. в ходе рассмотрения дела «Трейл Сметтер» отмечалось, что «ни одно госу-

76 P. Sands, J. Peel and R. MacKenzie (примечание 70 выше), p. 221.

77 См., например: Конвенция об охране морской среды Северо-Восточной Атлантики от 22 сентября 1992 г. (вступила в силу 25 марта 1998 г.), преамбула; Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии от 29 января 2000 г. (вступил в силу 11 сентября 2003 г.), преамбула.

78 См., например: Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением от 22 марта 1989 г. (вступила в силу 5 мая 1992 г.), ст. 4(2)(a); Конвенция о защите морской среды Северо-Восточной Атлантики, ст. 2(2)(a); Рамочная конвенция ООН об изменении климата от 9 мая 1992 г. (вступила в силу 21 марта 1994 г.), ст. 3(3).

79 См.: Timothy O'Riordan and James Cameron, *Interpreting the Precautionary Principle*, Routledge, London and New York, 2013, pp. 255–256; Jacqueline Peel, *The Precautionary Principle in Practice: Environmental Decision-Making and Scientific Uncertainty*, Federation Press, New South Wales, 2005, pp. 31–32.

80 Agne Sirinskiene, “The Status of Precautionary Principle: Moving towards a Rule of Customary Law”, *Jurisprudence*, Vol. 4, No. 118, 2009, p. 351.

81 См.: Рио-де-Жанейрская декларация, принцип 15.

82 Некоторые исследователи расходятся в вопросе о правовом статусе принципа принятия мер предосторожности международного права. См., например: A. Sirinskiene (примечание 80 выше), pp. 351–352.

83 Owen McIntyre and Thomas Mosedale, “The Precautionary Principle as a Norm of Customary International Law”, *Journal of Environmental Law*, Vol. 9, No. 2, 1997, p. 241. Также см.: Arie Trouwborst, “Prevention, Precaution, Logic and Law: The Relationship between the Precautionary Principle and the Preventative Principle in International Law and Associated Questions”, *Erasmus Law Review*, Vol. 2, No. 2, 2009, p. 123.

дарство не имеет право использовать или разрешать использовать свою территорию для нанесения ущерба... на территории или самой территории другого государства»⁸⁴. В последующем принцип 21 Стокгольмской декларации 1972 г. подтвердил, что «государства... несут ответственность за обеспечение того, чтобы деятельность в рамках их юрисдикции или контроля не наносила ущерба окружающей среде других государств или районов за пределами действия национальной юрисдикции»⁸⁵. Более того, принцип «не навреди чужой окружающей среде» стал основополагающим и во многих международных природоохранных конвенциях, например в Конвенции о биологическом разнообразии, Конвенции о предотвращении загрязнения моря сбросами отходов, Конвенции об охране озонового слоя, в Рамочной конвенции ООН об изменении климата и Стокгольмской конвенции о стойких органических загрязнителях⁸⁶. Принцип 24 Рио-де-Жанейрской декларации не только подтвердил, но прямо привязал его к вооруженному конфликту: «Государства должны уважать международное право, обеспечивающее охрану окружающей среды во время вооруженных конфликтов, и должны сотрудничать, при необходимости, в деле его дальнейшего развития».

Третий принцип запрещает причинять ущерб окружающей среде применением силы в конкретном районе Земли, а именно в Антарктике. Он не сформулирован в явном виде ни в каком особом договоре, однако совокупность соответствующих положений нескольких договоров, где упоминается Антарктика, определенно подводит к нему. В Договоре об Антарктике 1959 г. сказано, что «Антарктика используется только в мирных целях», при этом «запрещаются... любые мероприятия военного характера» за исключением использования «военного персонала или оснащения для научных исследований или для любых других мирных целей»⁸⁷. Следовательно, запрещается любое применение силы в целях, отличных от мирных, вне зависимости от последствий для окружающей среды, однако эти ограничения могут не распространяться на использование силы в правоприменительных целях. Но даже если государства могут прибегать к силе в акватории Антарктики в ходе правоприменительных мероприятий, они не должны сбрасывать нефть, нефтесодержащие смеси, вредные жидкие вещества или любые иные вредные вещества в океан⁸⁸ южнее 60° южной широты⁸⁹.

84 Report of International Arbitral Awards, *Trail Smelter Case (United States v. Canada)*, UN, *International Law Report*, Vol. 3, 1941, p. 1965.

85 Резолюция ГА ООН 3281 (XXIX), 12 декабря 1974 г.

86 Конвенция о биологическом разнообразии, ст. 3; Конвенция о предотвращении загрязнения моря сбросами отходов и других материалов от 29 декабря 1972 г. (вступила в силу 30 августа 1975 г.), преамбула; Конвенция об охране озонового слоя от 22 марта 1985 г. (вступила в силу 22 сентября 1988 г.), преамбула; Рамочная конвенция ООН об изменении климата, преамбула; Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях от 22 мая 2001 г. (вступила в силу 17 мая 2004 г.), преамбула.

87 Договор об Антарктике от 1 декабря 1959 г. (вступил в силу 23 июня 1961 г.), ст. 1.

88 Приложение IV к Протоколу об охране окружающей среды Договора об Антарктике от 4 октября 1991 г. (вступил в силу 14 января 1998 г.), ст. 3(1) и 4.

89 См.: Договор об Антарктике, ст. 6(1).

Сравнение нормативно-правовых баз

И МГП, и морское право, и международное природоохранное право содержат нормы, ограничивающие применение силы на море, но каждый свод права по-своему их обосновывает. Однако в связи с отсутствием ясности касательно правовых норм и обязательств в сфере ограничений природоохранного характера на применение силы на море возникает вопрос, как именно охранять морскую среду средствами этих отраслей права, каждая из которых актуальна для целей охраны морской среды в ходе применения силы на море, но имеет и значительные пробелы, и недостатки.

Совместимость и несовместимость

И МГП, и морское право, и международное природоохранное право устанавливают некоторые ограничения природоохранного характера на применение силы на море. Что же касается их применимости к охране морской среды, то МГП регулирует действия воюющих сторон и защищает морскую среду лишь во время вооруженного конфликта, а морское право и международное природоохранное право защищают морскую среду в основном во время правоприменительной деятельности в мирное время. В сравнении с отраслями права, действующими в мирное время, МГП традиционно является той отраслью права, нормы которой применимы исключительно во время вооруженных конфликтов и прекращают свое действие в мирное время⁹⁰. И хотя современные подходы все больше сближают МГП с другими отраслями права, в различной степени распространяя нормы международного права мирного времени на вооруженные конфликты⁹¹, однако также необходимо ответить на вопрос об их взаимосвязи (*lex specialis*), когда они применяются одновременно. При этом отсутствует полная ясность в вопросе о том, в какой степени нормы морского права и международного природоохранного права могут обеспечить охрану окружающей среды во время вооруженного конфликта на море.

Существуют определенные расхождения и даже противоречия между нормами МГП, с одной стороны, и нормами морского права и международного природоохранного права — с другой, в том, что касается ограничений на применение силы на море, наносящее урон морской среде. Проблема заключается в том, что большинство договоров МГП не содержат даже таких основополагающих понятий, как «загрязнение морской среды» в определении статьи 1(4) Конвенции ООН по морскому праву. По этой причине в МГП как в отрасли права нет надлежащих норм, ограничивающих загрязнение морской среды. При этом обычное международное право на нынешнем этапе развития содержит пока лишь некие общие принципы, но не конкретные природоохранные стандарты применения силы на море.

90 См.: Adam Roberts, “Transformative Military Occupation: Applying the Laws of War and Human Rights”, *American Journal of International Law*, Vol. 100, No. 3, 2006, p. 589.

91 М. Bothe *et al.* (примечание 43 выше), p. 580.

Другой способ выявить надлежащие нормы — обратиться к прецедентному праву, основанному на решениях международных судебных органов. Однако пока ни одна международная инстанция разрешения споров не рассмотрела, по сути, ни одного типичного дела о воздействии на морскую среду последствий применения силы на море, будь то вооруженный конфликт или же правоприменительная практика. Именно поэтому пока остается неясным вопрос, каким же конкретным нормам должно соответствовать применение силы, наносящее урон морской среде, и какие нормы ограничивают ее применение, кроме неких общих природоохранных принципов. В любом случае ясно, что для того, чтобы ограничить применение силы на море в целях охраны морской среды, необходимо применять совокупность норм МГП, морского права и международного природоохранного права, так как норм лишь одной отрасли права недостаточно для решения подобной задачи.

Применимость к вооруженному конфликту норм морского права и международного природоохранного права

С 1990-х гг. заметно изменился традиционный взгляд на право военного и право мирного времени, как на взаимоисключающие. Современные подходы все больше сближают эти две отрасли права, когда нормы международного права мирного времени в разной степени применяются и во время вооруженного конфликта⁹². Как уже говорилось, в ситуации военных действий ни Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду, ни ДП I не слишком эффективно предотвращают последующий ущерб окружающей среде⁹³. При этом природоохранные нормы морского права и нормы международного природоохранного права не в состоянии предложить конкретного и адекватного решения проблем, возникающих в ходе вооруженного конфликта. Однако в ситуации вооруженного конфликта применимость норм морского права и международного природоохранного права можно обосновать уже действующими нормами, чтобы добиться максимально возможной правовой охраны морской среды.

Понять, допустимо ли применять нормы морского права и международного природоохранного права во время вооруженных конфликтов, можно, изучив, насколько жизнеспособным окажется подобное применение, и задействовав контекстуальный подход. С точки зрения жизнеспособности нормы международного гуманитарного права уже сосуществуют с нормами морского права и международного природоохранного права⁹⁴. Нормы последних двух отраслей права не перестают действовать во время вооруженного конфликта. Как указано в Руководящих принципах для

92 M. Bothe *et al.* (примечание 43 выше), р. 580.

93 J. Wyatt (примечание 48 выше), р. 612.

94 См.: Доклад специального докладчика по вопросу охраны окружающей среды в связи с вооруженным конфликтом, A/CN.4/674, 30 мая 2014 г., пп. 5–6.

военных уставов, один из общих принципов международного права таков: «Международные соглашения по охране окружающей среды и соответствующие нормы обычного права могут по-прежнему применяться в периоды вооруженных конфликтов, если они не противоречат применимому праву вооруженного конфликта»⁹⁵. С точки же зрения контекстуального подхода для применения норм морского права или международного природоохранного права во время вооруженного конфликта необходимо наличие трех условий: 1) применение силы на море оказало воздействие или причинило ущерб окружающей среде; 2) такое применение норм соответствует сфере и условиям их применения и не противоречит нормам МГП в качестве *lex specialis*; 3) эти нормы содержатся в тех особых конвенциях и соглашениях, о которых упоминает статья 237 Конвенции ООН по морскому праву. Согласно статье 237(1) этой Конвенции, положения ее части XII не наносят ущерба конкретным обязательствам, принятым на себя государствами по заключенным ранее специальным конвенциям и соглашениям, которые касаются защиты и сохранения морской среды, а также соглашениям, которые могут быть заключены в развитие общих принципов, изложенных в Конвенции. Однако статья 237(2) требует, чтобы конкретные обязательства, принятые на себя государствами по специальным конвенциям в отношении защиты и сохранения морской среды, выполнялись совместимым с общими принципами и целями Конвенции образом. Это значит, что природоохранные обязательства, которые необходимо соблюдать во время применения силы на море, включают два аспекта. Первый заключается в выборе этих обязательств — требуется, чтобы обязательства морского права и международного природоохранного права не противоречили друг другу. Второй аспект — выполнение обязательств, требуется, чтобы порядок применения норм международного природоохранного права был совместим с общими принципами и целями Конвенции ООН по морскому праву. По сути, общие принципы и цели Конвенции ООН по морскому праву являются не только результатом развития положений международного природоохранного права, направленных на охрану морской среды, но и минимальными требованиями, которые ограничивают применение силы на море.

Определение некоторых терминов МГП зависит от положений морского права и международного природоохранного права. В рамках МГП статья 35(3) ДП I запрещает применять методы или средства ведения военных действий, которые имеют своей целью причинить или, как можно ожидать, причинят обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде. Однако в самом ДП I нет определения термина «ущерб», поэтому его источником могут послужить морское право и международное природоохранное право. Используемые определения и нормы должны соответствовать друг другу. Ответ на вопрос о том, можно ли полагаться на определения Конвенции ООН по морскому праву и международных природоохранных договоров для прояснения отдельных положений МГП, зависит от воз-

95 Руководящие принципы для военных уставов (примечание 34 выше), принцип 5.

возможности применения норм этих документов к вооруженному конфликту. Если эти нормы не применимы к вооруженному конфликту, то нельзя применять и содержащиеся в них определения для прояснения положений МГП, если только эти определения уже не отражены в обычном международном праве или не стали его составной частью. Даже если морское право не сможет выступить в роли *lex specialis* во время вооруженного конфликта, то с учетом всемирного признания государствами таких договоров, как Конвенция ООН по морскому праву, эти понятия можно применить в качестве воплощения норм обычного права и воспользоваться ими при определении ущерба, нанесенного морской среде во время вооруженного конфликта. Определение понятия «загрязнение морской среды», то есть основного проявления ущерба, дано в статье 1(4) Конвенции ООН по морскому праву, а понятия «биологическое разнообразие»⁹⁶, «вещества иные, чем нефть»⁹⁷ и «затонувшие суда» могут, в контексте МГП, помочь выявить объем ущерба морской среде⁹⁸.

Принципы общие, но разные

Решая задачи охраны морской среды в обстоятельствах применения силы, можно сослаться на некоторые основополагающие принципы, включая принципы необходимости, принятия мер предосторожности и соразмерности, общие для МГП, морского права и международного природоохранного права. Такой подход можно обосновать тем, что в качестве правовых принципов они содержатся в МГП и иных отраслях права, а в случае отсутствия в положениях договоров или иных общепризнанных отраслях международного права необходимых норм по предотвращению ущерба окружающей среде, вызванного применением силы на море, эти принципы могут сыграть роль «в обеспечении согласованности правовой системы как комплекса норм, которые выражают фундаментальные или, по крайней мере, важные [имеющие первостепенное значение] ценности системы, поэтому обычно считается, что они служат самодостаточным обоснованием принимаемых решений»⁹⁹. Тем не менее остаются серьезные разногласия по вопросу правового статуса этих принципов и по вопросу о том, следует ли считать их общими принципами международного права или принципами обычного международного права¹⁰⁰. Порядок соблюдения этих принципов в различ-

96 См.: Конвенция о биологическом разнообразии, ст. 2(1).

97 См.: Протокол о вмешательстве в открытом море в случаях загрязнения веществами иными, чем нефть, 1313 UNTS 4, 2 ноября 1973 г. (вступил в силу 30 марта 1983 г.), ст. 1(2).

98 См.: Международная конвенция об удалении затонувших судов, 46 ILM 694, 23 мая 2007 г. (вступила в силу 14 апреля 2015 г.), ст. 1(4).

99 См.: Neil MacCormick, *Legal Reasoning and Legal Theory*, Clarendon Press, Gloucestershire, 1978, p. 180; cited in Eloise Scotford, *Environmental Principles and the Evolution of Environmental Law*, Hart Publishing, Oxford and Portland, OR, 2007, p. 44.

100 A. Sirinskiene (примечание 80 выше), pp. 351–352; Erik V. Koppe, “The Principle of Ambiguity and the Prohibition against Excessive Collateral Damage to the Environment during Armed Conflict”, *Nordic Journal of International Law*, Vol. 82, No. 1, 2013, p. 63; Michael A. Newton and Larry May, *Proportionality in International Law*, Oxford University Press, Oxford, 2014, pp. 33 ff.

ных отраслях права различен. Однако такие небольшие отличия не мешают применять данные общие принципы, если при этом применение положений разных отраслей права приводит к одинаковому результату, хотя и разными средствами.

Необходимость

Термин «необходимость» имеет множество дополнительных смыслов в различных отраслях права, регулирующих порядок применения силы на море. Необходимость тесно связана с законностью применения силы на море, но даже законное применение силы может повлиять на морскую среду или причинить ей ущерб. В МГП необходимость применения силы означает лишь то, что масштаб применения силы оправдан, то есть необходим для достижения законных военных целей¹⁰¹. В Консультативном заключении о ядерном оружии 1996 г. Международный суд ООН констатировал, что «важные экологические факторы... следует *надлежащим образом* принимать во внимание в контексте осуществления принципов и норм права, применимого в период вооруженного конфликта»¹⁰². Следовательно, морская среда может стать законной мишенью применения силы, только если это необходимо для достижения законных военных целей.

И хотя во время вооруженного конфликта последствия посягательства на окружающую среду следует должным образом принимать во внимание при оценке законности нападения, один лишь принцип необходимости не в состоянии предложить ясный порядок действий, для того чтобы в природоохранных целях ограничить применение силы. В случае применения силы в правоприменительных мероприятиях принцип необходимости схожим образом относится лишь к вопросу о необходимости применения силы исключительно в этих целях, и, соответственно, им никак нельзя оправдать прямое посягательство на морскую среду.

Ввиду того, что в ходе правоприменительных мероприятий негативные последствия для морской среды могут возникать в основном из-за ненадлежащего или чрезмерного применения силы, их нужно оценивать и решать возникающие проблемы в соответствии с иными принципами, а не с принципом необходимости¹⁰³.

101 Cordula Droege and Marie-Louise Tougas, “The Protection of the Natural Environment in Armed Conflict: Existing Rules and Need for Further Legal Protection”, in Rosemary Rayfuse (ed.), *War and the Environment: New Approaches to Protecting the Environment in Relation to Armed Conflict*, Martinus Nijhoff, Leiden and Boston, MA, 2014, p. 94.

102 Международный суд ООН, Консультативное заключение относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения, 1996 г., п. 33 (*курсив наши*).

103 Общие принципы необходимости и соразмерности являются центральными элементами международного правоприменительного права. В случае необходимости применить силу масштаб ее действительного применения не должен превышать минимума, необходимого в сложившихся обстоятельствах. См.: Stuart Casey-Maslen and Sean Connolly, *Police Use of Force under International Law*, Cambridge University Press, Cambridge and New York, 2017, p. 354.

Соразмерность

Принцип соразмерности распространяется на все обстоятельства, когда применение силы против законного объекта может также причинить сопутствующий ущерб окружающей среде. Этот принцип очень важен, когда речь заходит о применении силы, так как содействует сокращению масштабов ущерба, который неизбежен после применения силы как во время вооруженного конфликта, так и в ходе правоприменительных мероприятий.

Принцип соразмерности начинает действовать, если выполнены требования принципа необходимости, но при этом действия с соблюдением последнего могут превратить необходимую силу в незаконную¹⁰⁴. Ключевое понятие принципа соразмерности — порог. Согласно нормам МГП, если выясняется, что ожидаемый ущерб для окружающей среды, вызванный применением силы, будет чрезмерным по отношению к поставленным военным целям, то считается, что такое применение силы превысило порог и подобное нападение является запрещенным¹⁰⁵. В морском праве этот порог заключается в том, что государства не должны подвергать морскую среду чрезмерному риску при осуществлении своих полномочий на правоприменительную деятельность в отношении иностранных судов¹⁰⁶. Следовательно, причинять ущерб окружающей среде вследствие применения силы в обстоятельствах как вооруженного конфликта, так и правоприменительной деятельности допускается только в том случае, когда порог не превышает масштабов, необходимых для достижения поставленной цели. Однако соблюдением принципа соразмерности нельзя оправдать «обширный, долговременный и серьезный ущерб окружающей среде», причинять который запрещено в любых случаях. Принцип соразмерности действует, только пока этот порог не достигнут¹⁰⁷. Несмотря на включение таких выражений, как «неизбежное, разумное»¹⁰⁸ и «минимальное применение силы»¹⁰⁹, которые ограничивают методы и интенсивность применения силы, ни в договорном, ни в обычном праве нет никаких конкретных четких норм, определяющих, какой именно ущерб превышает допустимый порог, а какой находится ниже его.

Кроме того, нет ясности и в том, одинаков ли этот порог для вооруженного конфликта и для правоприменительных мероприятий. Факторы

104 Stuart Casey-Maslen, *Use of Force in Law Enforcement and the Right to Life: The Role of the Human Rights Council*, Academy In-Brief No. 6, ICRC, Geneva, 2016, p. 9.

105 См.: Silja Vöneky, "Environment Protection in Armed Conflict", in Frauke Lachenmann and Rüdiger Wolfrum (eds), *The Law of Armed Conflict and the Use of Force: The Max Planck Encyclopedia of Public International Law*, Oxford University Press, Oxford, 2016, p. 380; Carson Thomas, "Advancing the Legal Protection of the Environment in Relation to Armed Conflict: Protocol I's Threshold of Impermissible Environmental Damage and Alternatives", in Rosemary Rayfuse (ed.), *War and the Environment: New Approaches to Protecting the Environment in Relation to Armed Conflict*, Martinus Nijhoff, Leiden and Boston, MA, 2014, p. 110.

106 См.: Конвенция ООН по морскому праву, ст. 225.

107 P. Benvenuti (примечание 45 выше), p. 510.

108 PCA, *Maritime Boundary Delimitation* (примечание 15 выше), para. 518.

109 ICJ, *Fisheries Jurisdiction (Spain v. Canada)*, Judgment, ICJ Reports 1998, para. 84.

оценки порога, которые нужно принимать во внимание в ходе вооруженного конфликта, включают места нахождения мирных жителей и гражданских объектов, особенности местности, вид применяемого оружия, погодные условия и особый характер военных объектов¹¹⁰. В ходе правоприменительных мероприятий на море необходимо учитывать такие факторы, как место нахождения объекта (расположено ли судно в охраняемой природной акватории или в акватории нереста рыб), вид оружия, планируемого к применению, состояние моря, особый характер акватории (замкнутое или полузамкнутое море¹¹¹ и т. п.) и вид груза на борту судна (нефть, опасные химические и радиоактивные вещества и т. п.). Если в ходе правоприменительных мероприятий против судна будет применена чрезмерная сила, его остойчивость окажется серьезно нарушена, а это может привести к разливу нефти или опасных химических веществ. Если же предполагаемый ущерб для морской среды несоразмерен ожидаемому преимуществу, то такое применение силы превышает порог. Также принцип соразмерности можно использовать и при последующей оценке результатов применения силы. Однако, учитывая разницу в физической природе морской и сухопутной среды, подобное применение этого принципа *ex post facto* может оказаться недостаточным для охраны морской среды.

Принятие мер предосторожности

Принцип принятия мер предосторожности относится к нормам применения силы на море в случае, когда отсутствуют достаточные научные данные о последствиях ее применения для окружающей среды. Он играет разную роль в МГП, морском праве и международном природоохранном праве. В МГП задача этого принципа — предотвратить нанесение урона мирным жителям и соответствующим гражданским объектам, но охрана окружающей среды не входит в число его первейших приоритетов. Статья 57(2)(a)(ii) ДП I ограничивает выбор средств и методов нападения, чтобы избежать случайных потерь жизни среди гражданского населения, ранения гражданских лиц и случайного ущерба гражданским объектам и, во всяком случае, свести их к минимуму. В двух других отраслях права этот принцип в основном применяется для охраны морских биоресурсов и предотвращения загрязнения окружающей среды токсичными и химическими веществами. Например, цель принципа 15 Рио-де-Жанейрской декларации — охрана окружающей среды как таковой. В нем подчеркивается, что в случаях, когда существует угроза серьезного или необратимого ущерба,

110 См.: МККК, Пособие по МГП. Исследуя гуманитарное право: руководство для преподавателей, 5 июня 2009 г., доступно по адресу: <https://www.icrc.org/en/document/exploring-humanitarian-law>.

111 Словосочетание «замкнутое или полузамкнутое море» означает залив, бассейн или море, окруженное двумя или более государствами и сообщающееся с другим морем или океаном через узкий проход, или состоящее полностью или главным образом из территориальных морей и исключительных экономических зон двух или более прибрежных государств. См.: Конвенция ООН по морскому праву, ст. 122.

отсутствие полной научной уверенности не используется в качестве причины для отсрочки принятия экономически эффективных мер, направленных на предупреждение ухудшения состояния окружающей среды. В этом отношении сама окружающая среда является объектом прямого действия этого принципа, а польза для человечества, например охрана здоровья людей, рассматривается как косвенная.

Заключение: дальнейшие действия

Применение принципа принятия мер предосторожности

Морская экосистема самодостаточна и сама возвращается в состояние равновесия, но она очень беззащитна, когда происходит постороннее вмешательство. Ей требуется очень много времени, чтобы восстановиться после любого серьезного загрязнения, включая и последствия применения силы на море. Ущерб от загрязнений трудно ликвидировать, иногда он необратим. В случае некоторых загрязнений, вызванных применением силы на море, например при потоплении судов с ядерной силовой установкой или судов, несущих ядерное оружие, возможный ущерб для морской среды будет в высшей степени трудно предсказать, но его масштабы могут стать катастрофическими. Как писал Кристоф Хейнс в 2014 г.:

«Когда встает вопрос о применении силы, ситуацию зачастую уже не исправить. Поэтому... необходимо заранее принимать все возможные меры во избежание возникновения ситуации, в которой может быть принято решение спустить курок, или же предпринимать все возможные шаги для максимально возможного сокращения ущерба в случае возникновения такой ситуации»¹¹².

Следовательно, с учетом необратимости и непредсказуемости последствий загрязнения морской среды принцип принятия мер предосторожности международного природоохранного права следует толковать следующим образом: государства еще до любого применения силы обязаны оценить его воздействие на окружающую среду. При этом необходимо принять во внимание такие факторы, как планируемые к применению виды оружия и методы военных действий, в том числе их химические составляющие, и масштаб последствий применения оружия, а также порядок обращения с предназначенными к утилизации опасными отходами до применения силы, во время применения и после того. Например, вопрос применения силы против судов возникает как в правоприменительной практике, так и во время вооруженного конфликта, и здесь особое внимание необходимо уделять судам с ядерной силовой установкой. Сегодня такой уста-

112 Доклад Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях Кристофа Хейнса, A/HRC/26/36, 1 апреля 2014 г., п. 63, с. 13.

новкой оснащены не только многочисленные военные суда (например, подводные лодки и авианосцы), растет и число оснащенных ею гражданских судов и морских платформ. В будущих военных конфликтах на море вполне возможно применение силы против военных судов с такой установкой. Вероятно и то, что сила может быть применена против гражданских судов и морских платформ с такой установкой во время правоприменительных мероприятий или вооруженного конфликта. Если на такое судно или платформу будет совершено нападение и произойдет утечка радиоактивных материалов либо они пойдут ко дну, то вся прилегающая акватория окажется в высшей степени зараженной, а морская пищевая цепь может серьезно пострадать. В МГП нет особых норм, относящихся к таким военным целям, как военные суда с ядерной силовой установкой. И в морском праве, и в международном природоохранном праве также отсутствуют особые нормы правоприменительной деятельности в отношении гражданских судов и морских платформ с такой установкой. По этой причине будущее развитие правовых норм применения силы на море должно включать разработку норм, обеспечивающих принятие мер предосторожности в случае нападений на такие суда и платформы.

С другой стороны, невзирая на все споры вокруг правового статуса принципа принятия мер предосторожности, будет лучше, если государства в соблюдение этого принципа введут в действие собственные практические меры. Это значит, что принцип принятия мер предосторожности может обозначить рамки квалифицированного рассмотрения и обсуждения мер государственной политики и решений, определяющих порядок применения силы на море с учетом задач охраны окружающей среды, и даже задать направление межгосударственным переговорам и консультациям, а также стать критерием оценки их успешности. Можно устранить или, по крайней мере, свести к минимуму необходимость применять силу на море и невоенными средствами, например договорами по контролю над вооружениями. Неспособность принять более щадящие для окружающей среды меры может в итоге привести к нарушению принципа принятия мер предосторожности.

Ограничения на средства применения силы

Военные нужды и инновации в сфере технологий обусловили постоянное развитие боевого оружия, но не всегда можно предвидеть, какое воздействие его применение окажет на окружающую среду. И в этой ситуации оговорка Мартенса¹¹³ — вкратце ее суть в том, что действия, на которые МГП не налагает явного запрета, не должны автоматически считаться разрешен-

113 «Впредь до того времени, когда представится возможность издать более полный свод законов войны, Высокие Договаривающиеся Стороны считают уместным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания» (Гаагская конвенция II, преамбула).

ными, — может сыграть решающую роль. Оговорка Мартенса считается нормой обычного международного права, применимой во время вооруженного конфликта; чуть различаясь в формулировках, она была подтверждена в многочисленных договорах и конвенциях XX века, включая Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним 1977 г.¹¹⁴ И хотя многие ученые придерживаются узкого толкования сферы ее применения¹¹⁵, даже самая узкая трактовка позволяет утверждать, что в случаях, не предусмотренных Женевскими конвенциями, регулирующими международный вооруженный конфликт, оговорка Мартенса продолжает служить основной защитой для гражданских объектов¹¹⁶. Это значит, что на любой новый вид оружия для применения на море, вне зависимости от наличия правовых норм, запрещающих или ограничивающих его применение, распространяется оговорка Мартенса и природоохранные обязательства, предусмотренные иными обычными нормами международного права.

Касательно видов оружия для правоприменительных мероприятий было предложено ограничить применение ядовитых химических веществ в этом качестве только средствами борьбы с беспорядками¹¹⁷ и запретить применение таких видов огнестрельного оружия и боеприпасов, которые наносят чрезвычайно тяжелые ранения или служат источником неоправданного риска¹¹⁸. И хотя эти требования в основном касаются последствий применения оружия для организма человека, лежащие в их основе понятия можно распространить и на последствия воздействия оружия на окружающую среду. Таким образом, те виды оружия, которые могут оказать неблагоприятное или разрушительное воздействие на окружающую среду, включая и морскую, не следует использовать в рамках правоприменительной деятельности, и в то же время в ходе этой деятельности надо принимать необходимые меры для предотвращения или сокращения ущерба окружающей среде.

Ограничения методов применения силы

Требуется модернизировать международные правовые нормы, касающиеся методов применения силы на море. Говоря о применении силы на море во время вооруженного конфликта, нужно отметить, что методы ведения

114 Vladimir V. Pustogarov, “The Martens Clause in International Law”, *Journal of the History of International Law*, Vol. 1, No. 2, 1999, pp. 126–129; Сассоли, Марко и Бувье, Антуан. Правовая защита во время войны. МККК, 2008. Т. I, с. 153–154.

115 Узкое толкование оговорки Мартенса см.: Ian Henderson, *The Contemporary Law of Targeting*, Martinus Nijhoff, Leiden and Boston, MA, 2009, pp. 29–30.

116 См.: Zeray Yihdego, “Darfur and Humanitarian Law: The Protection of Civilians and Civilian Objects”, *Journal of Conflict & Security Law*, Vol. 14, No. 1, 2009, p. 41; Michael Salter, “Reinterpreting Competing Interpretations of the Scope and Potential of the Martens Clause”, *Journal of Conflict & Security Law*, Vol. 17, No. 3, 2012, p. 405.

117 ICRC, “Toxic Chemicals as Weapons for Law Enforcement”, 6 February 2013, доступно по адресу: www.icrc.org/eng/resources/documents/interview/2013/02-06-toxic-chemical-weapons-law.htm.

118 Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка, ст. 11(3).

военных действий на море стали необычайно сложными, а это породило новые проблемы для международного права. Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду остается единственным специальным соглашением, запрещающим изменять окружающую среду в военных или иных враждебных целях, но она была принята более 40 лет назад и, наверное, уже не в состоянии адекватно решать эти проблемы. Для их решения следует объединить действующие принципы и нормы различных отраслей международного права, но также необходимо разработать новую специальную конвенцию об охране окружающей среды, в том числе и морской, от ущерба, причиняемого применением силы.

Что касается использования силы правоприменительными органами, уже упоминалось, что государства обязаны принимать необходимые меры, чтобы предотвратить, сократить и взять под контроль загрязнение морской среды любым источником. Фраза «любим источником» означает, что это положение распространяется на все без исключения источники загрязнения морской среды, включая и последствия применения силы правоприменительными органами, вне зависимости от применяемого оружия, от того, какой объект или любая его составная часть подвергается нападению, или от масштабов нападения. Однако стоит отметить, что данное положение требует предотвращать и сокращать загрязнение и брать его под контроль, но не запрещает его вообще, а это предполагает, что придется смириться с некими незначительными его последствиями для морской среды¹¹⁹.

Подытоживая, можно сказать, что для более эффективной охраны морской среды нормы МГП, морского права и международного природоохранного права должны дополнять друг друга. Учитывая огромное количество международных договоров в смежных областях, невозможно оценить, в какой степени действие каждого из них можно распространить на случаи применения силы на море. И хотя не до конца ясно, в какой мере нормы морского права и международного природоохранного права смогут защитить морскую среду, важно изучить потенциал их применения во время вооруженного конфликта. Однако такое их применение не должно выходить за рамки действия этих норм или противоречить особым нормам МГП. Ограничение средств и методов применения силы можно рассматривать в качестве способа принятия мер предосторожности, цель которых — избежать ущерба морской среде или свести его к минимуму. Следует таким образом толковать принцип принятия мер предосторожности и оговорку Мартенса и таким образом повышать эффективность их соблюдения, чтобы способствовать становлению международного правового порядка, целью которого будет более эффективная охрана морской среды в обстоятельствах применения силы на море.

119 P. W. Birnie and A. E. Boyle (примечание 74 выше), p. 181; Robin Rolf Churchill, Alan Vaughan Lowe, *The Law of the Sea*, Manchester University Press, Manchester, 1999, p. 329.